

Татьяна Царькова

«Мое участие в зреющей судьбе»

Статья посвящена до последнего времени малоизвестному в России поэту, но признанному в Европе и США лучшим лириком второй волны русской эмиграции – Д. И. Кленовскому. После кратких биографической справки и обзора критических оценок творчества, в котором акцент поставлен на отзывах Г. Адамовича, названы новые поступления в личный фонд литератора, хранящийся в Рукописном отделе Института русской литературы Российской Академии Наук (Пушкинский Дом).

Ключевые слова: Д. И. Кленовский, биография, литературная критика, новые архивные поступления.

О поэте второй волны эмиграции Дмитриии Кленовском (1893–1976) в Советской России и перестроечной России не писали. Может быть, самые первые упоминания появились в поэтических антологиях, вышедших в 1995 г., «Строфы века» и «Вернуться в Россию – стихами... 200 поэтов эмиграции» и в справочно-биографической статье Валентины Алексеевны Синкевич, включенной в «Словарь поэтов Русского Зарубежья» [1: 311–313]. А в русской литературной эмиграции, хоть европейской, хоть американской, это имя было широко известно, и после ухода из жизни признанного мэтра Георгия Иванова критики спорили: *годится* Кленовский или *не годится* «для занятия кресла “первого поэта”».

В начале XXI века появляются две значительные публикации эпистолярия поэта [2, 3], что вкупе с двумя более ранними западными публикациями того же жанра [4, 5] достаточно полно представляют биографию и мировоззрение поэта в период его зрелости.

Но главной книгой Кленовского в России, конечно, стало Полное собрание его стихотворений, подготовленное О. А. Коростелевым [6], с обстоятельным и тонким анализом тематики и поэтики текстов в послесловии А. Е. Коростелевой «О вечной тайне бытия» [6: 560–588]. Этот труд – настоящее академическое издание, воспроизводящее все опубликованные книги автора, их двенадцать, и найденные в архиве Г. Струве невышедшие в России: второй сборник стихов «Предгорье» (1922) и переводы из Анри де Ренье «Сельские и божественные игры» (1922), считавшиеся утраченными, а также рассеянные в периодике переводы других поэтов и неопубликованные стихи из архива. Несомненное достоинство этой книги – образцово профессиональный комментарий, за которым исследовательская работа десятилетий. Прослежена история создания каждого сборника, выявлены все отзывы на них – в критике и в письмах друзей-литераторов.

Почему так долго – четверть века с начала перестройки и интенсивной работы многочисленных центров по изучению эмиграции – шли к нам стихи Кленовского? Ответ в биографии. Сейчас ее можно найти во многих источниках, поэтому назовем лишь основные вехи.

Дмитрий Иосифович родился 24 сентября 1893 г. в Санкт-Петербурге¹ в семье художника-пейзажиста, академика живописи Иосифа Евстафьевича Крачковского, женатого на дочери архитектора Беккера, Вере Николаевне, одаренной художнице-акварелистке. Он был поздним и единственным ребенком в благополучной и обеспеченной семье. Живопись И. Е. Крачковского ценилась и приобреталась даже членами императорской фамилии.

В 1904 г. из-за состояния здоровья сына Крачковские переезжают в Царское Село, Дмитрий поступает в мужскую Николаевскую гимназию, в которой директорствовал Иннокентий Федорович Анненский, а в старших классах учился Николай Гумилев – будущий кумир Кленовского. В гимназии Крачковский подолгу отсутствовал – с родителями уезжал в Италию, Францию. Легко овладевал языками, по-юношески восприимчиво впитывал европейскую культуру, искусство. В 1911 г. с золотой медалью окончил гимназию и по состоянию здоровья – из-за угрозы туберкулеза – уехал на два года в Швейцарию. По возвращении в Россию в 1913 г. поступил на юридический факультет С.-Петербургского университета «по явному недоразумению» – как пишет он в своей «Автобиографии» 1946 года – «но посещал лекции филологического. Юридические науки зубрил неохотно, но так и не решился переменить факультет, о чем жалею до сих пор. В 1917 я был призван на военную службу» [7: 190].

1913–1916 гг. Крачковский считал годами интенсивной и разнообразной художественной учебы. Его заинтересовали художники «Мира искусства»: Сомов, Лансере, Добужинский, Бенуа, Кустодиев, но особенно – Чурленис. В 1916 г. издательство «Петрополис» выпустило первую и единственную опубликованную в России поэтическую книгу Д. Крачковского «Палитра» (на обложке была обозначена дата выхода – 1917). Наборы второго сборника «Предгорье» и переводы из Анри де Ренье, как мы упоминали выше, в связи с закрытием издательства в годы НЭПа были рассыпаны.

С 1917 года он служил военным чиновником в Главном Артиллерийском Управлении, по службе переместился в Москву, где провел 1918–1920 гг. Здесь посещал, как и в Петербурге, заседания Антропософского общества, слушал лекции Белого, познакомился с Волошиным. «Антропософское мирозерцание стало тогда и осталось моим до сегодняшнего дня, во многом предопределив и мои творческие пути» [7: 191].

С начала 1920-х Крачковский с матерью живет в Харькове, в 1922 г. он был демобилизован и занялся «журналистикой и переводческой (в поэзии)

¹ Будучи в ФРГ, Дм. Крачковский (Кленовский – псевдоним) называл и другой год рождения – 1892, но петербургские архивные документы засвидетельствовали именно 1893 г.

работой», но «возможности» в этой области, однако, всё сужались. Вскоре встала проблема: либо превратиться в партийного подпевалу, либо перестать работать в печати. Я выбрал последнее» [7: 192]. С 1925 г. начался долгий период творческого молчания. В 1928 г. Крачковский женился на этнической немке, уроженке, как и он, Петербурга Маргарите Денисовне Гутман. О своей жене он писал в «Автобиографии»: «... жена моя явилась моим жизненным спутником в самом благородном и прекрасном смысле этого слова. Я не могу себе представить союза между мужчиной и женщиной, основанного на большей любви, взаимном понимании, дружбе и доверии, чем наш. Ни одно облачко никогда не омрачало его, годы его только углубили» [7: 193].

Именно жене, Маргарите Денисовне, посвящены почти все стихотворные книги Кленовского, вышедшие в Германии. И даже посмертно изданная «Последнее» (Мюнхен, 1977), надиктованная ей уже совсем немощным и ослепшим поэтом, имеет посвящение: «Как всегда – моей жене».

Этот брак долгий – до конца дней – и счастливый сыграл роль и в самом решительном повороте судеб супругов. В «Автобиографии» Дмитрий Иосифович продолжает: «В 1942 г. после занятия немецкими войсками Харькова я воспользовался немецким происхождением моей жены, чтобы покинуть пределы Советского Союза, где я 25 лет задыхался от чувства безграничного омерзения, а впоследствии приобрести немецкое подданство. Советская Россия ни минуты не была моей родиной, и этот шаг не был мне тяжел. Несомненно, только чудо уберегло меня на протяжении 25 лет от большевистской расправы, но ее дамоклов меч всегда висел над моей головой. Вызовы в НКВД, допросы и угрозы – не были редкостью. Однажды, накануне моего возвращения из отпуска, меня явились арестовать. Этот визит по непонятным причинам не повторился, но месяцы, последовавшие за ним, были весьма мучительны» [7: 193].

1943 год и до осени 1944-го чета Крачковских провела в лагере для беженцев-немцев в Австрии. Уйдя из лагеря, Крачковский служил на лесопилке, а когда советские войска в мае 1945 стали подходить к границам, он и жена бежали в Баварию и там в деревушке Зурберг возле города Траунштейн скромно жили, снимая убогое жильё у крестьянина. В 1954 переселились в старческий дом в Траунштейне, ставший для них последним приютом. Еще в лагере Крачковский, как он пишет, неожиданно для себя вернулся к поэтическому творчеству: «Только географически покинув СССР, я избавился от этого ощущения творческого удушья, и при том избавился молниеносно: несмотря на то, что я попал в самые неблагоприятные для литературной работы условия (лагерь, да какой!), и буквально с первых же дней взялся за стихи, хотя о самой возможности возобновления какой-либо литературной работы я к тому времени и думать позабыл, не чувствовал даже больше никакого к ней влечения! Возвращение к стихам явилось совершенно произвольным – они просто внезапно зазвучали в душе» [2: 602].

Его стихотворения начинают появляться в зарубежной русской прессе: «На досуге», «Парижский вестник», «Голос воина» и др., широко распространяются в списках через знакомых. В 1950 г. выходит первый зарубежный сборник «След жизни», предисловие к которому написала Н. Н. Берберова. В нем она назвала Кленовского *последним царскосело*, гонимым по миру. Определение закрепилось навсегда. Всего в Германии вышло 11 поэтических книг Кленовского. Кстати, псевдоним появился тоже только в зарубежье. Сам поэт описывал эту историю так. Объявился его полный литературный тезка – Дм. Крачковский – прозаик, автор рассказов, и печатно возмутился в русской парижской газете тем, что кто-то под его именем печатает свои стихи [4: 108, 124]. Поэт, не вступая в объяснения, нашел спокойный неконфликтный выход – взял благозвучный псевдоним. Заметим, рассказы другого Дм. Крачковского еще раньше публиковались в России, но тогда литературных двойников это обстоятельство не смущало.

К первой и последующим книгам Кленовского критика в целом была очень благосклонна.

Ю. Иваск в рецензии на «След жизни» писал: «Стихи прекрасные. В них слышатся отголоски столь рано оборвавшегося Серебряного века русской поэзии. Но голос у Кленовского свой: тихий, мелодический, слегка надтреснутый» [8: 297].

Как правило, во всей литературе у Кленовском приводится отзыв на его первый сборник Г. Иванова: «Кленовский сдержан, лиричен и для поэта, сформировавшегося в СССР – до странного культурен. Не знаю его возраста и “социальной принадлежности”, но по всему он “наш”, а не советский поэт. В СССР он, должно быть, чувствовал себя “внутренним эмигрантом” <...> Каждая строка Кленовского – доказательство его “благородного происхождения”. Его генеалогическое древо то же, что у Гумилева, Анненского, Ахматовой и О. Мандельштама» [9: 180].

Леонид Ржевский – писатель, критик, исследователь русской литературы, друг Кленовского – тщательно анализировал стилистику и поэтику его произведений и считал эмоционально сильной стороной их гармоничность: «Он несомненно самый гармонический поэт нашего времени» – философичность и религиозность [10: 231–237].

Все писавшие о книгах Кленовского и даже не всегда расположенный к поэту Ю. Терапиано, отмечали мастерство самой поэтической формы – в рифмах, инструментовке, архитектонике.

Положительные рецензии и статьи, кроме названных литераторов, написаны также Я. Горбовым, Г. Струве, О. Ильинским, Е. Таубер, Странником, Н. Ульяновым, Б. Филипповым и др. В комментариях к Полному собранию стихотворений Кленовского они достаточно полно представлены.

Тема *Адамович и Кленовский* с источниковой точки зрения скорее может быть рассмотрена со стороны Кленовского, т. к. по его утверждению, критик не написал ни одной рецензии на его сборники, а высказывался о них только в письмах. Письма эти не опубликованы, приходится встать на путь

оценки творчества Кленовского в письмах Адамовича, воспроизведенных в письмах Кленовского третьим лицам, и в комментариях к ним.

Так, в письме к В. Ф. Маркову от 17 июля 1954 г. Кленовский пишет:

«Вы интересуетесь моим мнением о статье Адамовича? Можно по-разному относиться к этому последнему, но как-никак он – “генерал” от эмигрантской критики, мнение его (нередко спорное) имеет вес, он создает репутацию поэтам, и все они с замиранием сердца смотрят ему в рот (мне рассказывали, что Иг<орь> Чиннов считал для себя мнение Адамовича вроде того что вопросом жизни или смерти). Вот почему положительный отзыв Адамовича всегда ценен.

Для меня лично отзыв обо мне в статье “Новые голоса” явился большой неожиданностью. Дело в том, что мои литературные друзья меня всегда против Адамовича предостерегали. – Если А<дамович> о Вас когда-нибудь напишет, – предупреждал меня один из них, – он Вас не пощадит, ибо самый характер Ваших стихов ему глубоко чужд и даже враждебен. Получилось, однако, совсем иначе. Конечно, А<дамович> подошел ко мне с чисто формальной стороны, но, очевидно, таков вообще его подход к поэзии. Повторяю: столь благожелательного отзыва я от А<дамовича> не ожидал и был им приятно удивлен. Даже его оговорки настолько деликатны (“изредка”, “словно по рассеянности”), что почти не ощущаются как таковые. Он, кстати, ошибся: “Моя рука” и написана и напечатана не до, а после войны (в 1947). Насчет Тэффи А<дамович> вспоминает правильно. Она чрезвычайно любила мои стихи, и на этой почве и произошло наше знакомство. На своей, подаренной мне книге она написала: “Самому любимому поэту моих последних лет”.

Конечно, обо всех “нас” А<дамович> написал слишком поверхностно и кратко, но это, пожалуй, к лучшему, ибо в длинных статьях А<дамович> обычно не только убегает от темы куда-то в сторону, но нередко, начав “за здравие”, заканчивает “за упокой”, и впечатление получается весьма двусмысленное. Такова была статья А<дамовича> о том самом Чиннове, о котором я упомянул выше. И все же с тех пор (что значит подпись “Адамович”!) Чиннов числится, так сказать, в полковниках от поэзии. После похвалы А<дамовича> никакой другой критик уже не укусит» [2: 603].

В этом письме речь идет о статье Г. Адамовича «Новые голоса» [11], которая посвящена последнему разделу составленной Ю. Иваском антологии «На Западе» (Нью-Йорк. 1953). Там были опубликованы стихи Д. Кленовского, И. Елагина, О. Анстей, Ю. Трубецкой, В. Маркова, Н. Моршена, Ю. Галь. В комментарии О. А. Коростелева читаем: «Свой обзор новой эмигрантской поэзии Адамович начал с Кленовского, оговорившись, что “Д. Кленовский, например, давно уже и единодушно причислен к опытным, зрелым мастерам, и о нем, как о “новом”, говорить не приходится. Стихи

Кленовского украсили бы любой отдел антологии, не только последний. <...> Кленовский часто бывает похож на Ходасевича, и в темах, и в стиле, очень чистом, очень точном, с прелестными, обманчиво-простыми находками (“уютно, как в аксаковской семье” и др.). Изредка только он как будто по рассеянности пропускает условно-книжные, метафорические “штампы”, которых Ходасевич не пропустил бы: “причаститься радостей земли”, “рубеж дней”, “провести через жизнь”... При менее искусной словесной выделке это, разумеется, сошло бы с рук. Но Кленовский именно стилем и силен, во всяком случае, сильнее, чем ритмом...” (Адамович Г. Новые голоса)» [6: 604].

В письмах тому же корреспонденту от 11 марта 1956 г. и 31 июля 1958 г. опять приводятся отзывы Адамовича о стихах: «...получил письмо от Г. Адамовича. Он благодарил не только за присылку “Спутника” <книга “Неуловимый спутник” – Т. Ц.>, но и за (как он выразился) “то, что книга дает” и пишет: “В книге всё (??) хорошо, и притом это хорошее – какого-то особого и редкого качества, без малейшей уступки так называемым веяньям времени, большей частью убогим”» [2: 635].

«О моих стихах в №52 “Нов<ого> журнала” был очень хороший (без малейших “но”) отзыв Адамовича в “Рус<ской> мысли”. Но не обошлось без курьезов: 4 года тому назад тот же Адамович в рецензии об ивасковской антологии (в “Н<овом> р<усском> с<лове>”) причислили меня к лику Ходасевича, а теперь – Гумилева! Ох уж эти обязательные поиски литературного родства! Так ли уж они необходимы?» [2: 657].

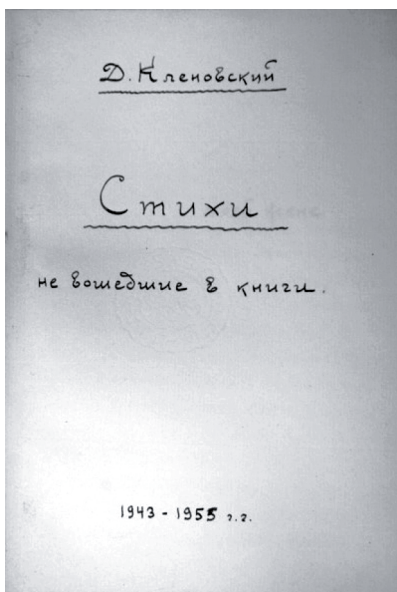
С «литературным родством» Кленовскому везло. Критики кого только не включали, кроме названных выше в этой связи имен, в его поэтическое родословное древо: и Пушкина, и Боратынского, и Тютчева, и Блока, и С. Маковского, и Волошина. А у него в старческом доме, где они с женой прожили больше 20 лет в одной небольшой комнатке, «нет хотя бы самой примитивной поэтической библиотечки... Кроме Пушкина никого из “стариков” не имею. Т. ч. мыслить об их стихах могу только по памяти, а её – увы! – всё убывает...» [2: 657].

В переписке со Странником (псевдоним архиепископа Иоанна Шаховского) тоже возникает имя Адамовича. Приведем две, на наш взгляд, яркие цитаты, в которых проявлены характеры пишущих.

В письме от 16 июля 1967 г., т. е. в год выхода самой большой стихотворной книги Кленовского «Стихи» – избранного из шести книг плюс новые стихи 1965–1966 г. – Кленовский воспроизводит впечатление Адамовича от знакомства с нею: «Не помню, писал ли я Вам, что я получил очень лестное письмо от Адамовича. Говорит, что читает мои стихи “с восхищением и... завистью” и добавляет, что сборник “очень правильно и удачно составлен – в том смысле, что тема его, то есть, Ваша главная тема, в нем постоянно развивается и растет, и стиль Ваш этой Вашей теме безошибочно и непогрешимо соответствует. Можно писать иначе, по другому, но то, что говорите Вы, должно быть сказано именно по Вашему, со сдержанной страстностью»» [5: 199].

Изоб. 1. Д. И. Кленовский.

Изоб. 2. Из материалов фонда Д. И. Кленовского в Рукописном отделе Института русской литературы Российской Академии Наук (Пушкинский Дом).

И последнее, что написал Кленовский 27 февраля 1972 г. об Адамовиче: «Очень огорчила меня смерть Адамовича. Я не был в восхищении от его стихов, но очень ценил его как умного и культурного критика и публициста, которого всегда было интересно читать. Думаю, что ему повредила поездка в США... Я слышал, что он нередко выступал полубольной, перебивая себя, а некоторые его вечера были даже отменены по нездоровью. Это было, конечно, очень неблагоприятно. На мои сборники он всегда отвечал похвалами, хвалил их, как мне писала Прегель, в беседах с нею, но о них никогда не высказывался в печати, объясняя это и мне и Прегель тем, что он, мол вообще больше рецензий не пишет, что *неверно*, так как в его симпатию я не верю» [5: 274].

Остается еще отметить, что в дискуссии, *назначать ли Кленовского первым поэтом эмиграции* Адамович не стал участвовать.

В комментариях Полного собрания стихотворений Кленовского приводится цитата из письма Струве Маркову от 16 апреля 1959 г.: «Адамович прямо сказал Кленовскому, что не хочет вмешиваться в эмигрантскую литературную свару» [6: 612]. Кленовский был очень чувствителен к оценкам критиков и обидчив. Отсюда, вероятно, «в его симпатию я не верю».

В 2018–2019 гг. Пушкинский Дом получил из Германии материалы архива Крачковских. Пока это небольшой литературный фонд, но возможны пополнения. Назовем основные группы материалов: творческие рукописи; книги Кленовского, частью с дарственными надписями, частью с записями фамилий на полях, вероятно, тех литераторов, от которых автор получил отзывы на отдельные стихотворения; личные документы; документы родственников; рисунки отца и матери Д. Крачковского; письма и записки М. Д. Крачковской и письма к ней; фотографии (более 100), преимущественно любительские, неатрибутированные и недатированные; мелкие мемориальные вещи; старые магнитофонные ленты с записями вечеров памяти Дм. Кленовского.

Литература

1. Синкевич В. «Кленовский Дмитрий Иосифович» // Словарь поэтов Русского Зарубежья. СПб.: РХГИ, С. 311–313. 1999.
2. «...я молчал 20 лет, но это отразилось на мне скорее благоприятно». Письма Д. И. Кленовского В. Ф. Маркову 1952–1962 гг. / Публ. Олега Коростелева и Жоржа Шерона // Диаспора. Новые материалы. Вып. 2, С. 585–693. 2001.
3. «Письма Д. И. Кленовского к И. С. Топорковой» / Публ., подготовка текстов и прим. И. Саруханяна // Звезда. № 1, С. 98–128. 2002.
4. Кленовский Д. Из писем Геннадии Панину / Публ. Э. Бобровой // Новый журнал. Кн. 206, С. 95–124. 1997.
5. Странник (Шаховской И.) Переписка с Кленовским. Париж. 1981.
6. Кленовский Д. И. Полное собрание стихотворений / Под ред. О. А. Коростелева. М.: Водолей. 2011.

7. Кленовский Д. Автобиография / Современник (Торонто). № 37/38, С. 188–195. 1987.
8. Новый журнал. № 24, С. 297–298. 1950.
9. Иванов Г. Поэзия и поэты // Возрождение. № 10. 1950.
10. Ржевский Л. Последний акмеист. О творчестве Дмитрия Кленовского / В кн.: Ржевский Л. К вершинам творческого слова. Норвич, С. 231–237. 1999.
11. Адамович Г. Новые голоса // Новое русское слово. 6 июня. № 15380, С. 8, 1954.

“Mana tiesa asnojošā liktenī”

Raksts veltīts Krievijā mazpazīstamam dzejniekam Dmitrijam Kļenovskim, kurš, savukārt, Eiropā un ASV atzīts par labāko krievu emigrācijas otrā viļņa liriski. Rakstā sniegtas īsas biogrāfiskas izziņas un kritisks dzejnieka daiļrades izvērtējums, kas balstīts uz Georgija Adamoviča atsauksmēm. Rakstā minēti literāta personiskā fonda jaunieguvumi, kas glabājas Krievijas Zinātņu akadēmijas Krievu literatūras institūta Rokrakstu nodaļā (Puškina nams).

«Partaking in Emerging Fate»

The article is dedicated to the little-known Russian poet Dmitry Klenovsky, who has been recognized in Europe and the United States as the best lyricist of the second wave of Russian emigration. The article provides short biographical information and a critical evaluation of the poet's work, based on the critique of Georgy Adamovich. The article mentions the new acquisitions added to the personal archive of Klenovsky that is hosted at the Manuscript Department of the Russian Academy of Sciences' Institute of Russian Literature (Pushkin's House).